

DOCUMENTS

Alfred Erich Senn

NEW DOCUMENTS ON LENIN'S DEPARTURE FROM SWITZERLAND, 1917

V. I. Lenin's decision to return to Russia through Germany in April 1917 represented a major stage in the development of the Russian Revolution. Stefan Zweig, who was himself then living near Zurich, later called this moment one of the *Sternstunden* of human history, and as befits such events, there has arisen a considerable body of literature relating to it: memoirs, documents, commentaries, and monographs, replete with sharply conflicting interpretations. Colored by the passions of war and revolution, the accounts long lacked a generally acceptable documentary foundation, but the opening of the archives of the German Foreign Ministry in the 1950's and subsequently the publication of hitherto unknown letters by Lenin seem to have done little to settle the old arguments. Writers have continued to draw the same contradictory conclusions, now buttressed with more or less impressive documentary references.¹

Probably no amount of documentation could put all the arguments to rest, but in 1917 the Russian émigrés in Switzerland had themselves attempted to clear up some uncertain details of Lenin's departure, and in so doing they had anticipated many of the later interpretations. Their findings, however, were quickly forgotten, to the detriment of the later efforts by historians.

¹ See Z. A. B. Zeman, *Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918* (London, 1958); Werner Hahlweg, *Lenins Rückkehr nach Russland 1917* (Leiden, 1957); V. I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenii*, 5th ed., Vol. 49 (Moscow, 1964). Hahlweg's introductory comments offer a very useful survey of the historiography of the question. For examples of the use of the documents, see George Katkov, *Russia 1917: The February Revolution* (New York, 1967); Arnold Reisberg, *Lenin im Jahre 1917* (Berlin, 1967); Ladislaus Singer, *Raubt das Geraubte* (Stuttgart, 1967); Fritz Nicolaus Platten, "Von der Spiegelgasse in den Kreml", published serially in: *Volksrecht* (Zurich), March 13, 1967 to April 17, 1967, and reprinted as "Iz Zerkal'nogo Pereulka v Kremli", in: *Grani*, No 77 (1970), pp. 102-33, and No 79 (1971), pp. 158-201; Willi Gautschi, *Lenin als Emigrant in der Schweiz* (Zurich, 1973). For a recent memoir, see Emil Belzner, *Die Fahrt in die Revolution, oder Jene Reise. Aide-mémoire* (Munich, 1969).

The émigrés' investigation originated as a result of a controversy which came up during a routine meeting of the Central Emigré Committee in Zurich on September 17, 1917.¹ A discussion of the possibility of arranging passage for more émigrés to return to Russia brought charges that German agents had played a major though secret role in organizing the three earlier trainloads of émigrés. Abram Charasch, a member of the Jewish *Bund*, insisted that he had evidence of suspicious circumstances surrounding the departure of Lenin's group in particular. The committee eventually agreed to establish a commission to investigate the question.² In a second meeting on the evening of the 17th, the make-up of the commission was established: elected as the five voting members were Samuil Levin (*Bund*), Moisei Zemel (*Poalei-Tsion*), Isaak Plotnik (Bolshevik), Vladimir Kossovsky (*Bund*), and Julian Reichesberg (Menshevik). Elected as alternates were Sofiia Dzerzhinskaia (SDKPiL) and Lev Kritsman (Menshevik). At the first meeting of the commission on September 20, Reichesberg was selected as chairman and Plotnik as secretary.³

The commission worked for a month, and on October 27 it filed its report with the Central Emigré Committee. The Bolshevik seizure of power just eleven days later seems to have eclipsed such relatively minor concerns, and the commission's efforts were soon forgotten. The President of the Central Emigré Committee, Dr Sergei Bagotsky, himself departing for Russia, delivered the report into the care of a Swiss Socialist, Dr Otto Lang.⁴ After Lang's death in 1936, his archive

¹ On the background and founding of the Central Emigré Committee, which claimed to represent the entire Russian emigration in Switzerland, see Alfred Erich Senn, *The Russian Revolution in Switzerland, 1914-1917* (Madison, 1971), pp. 165-66, 223; A. E. Senn, "Russian Émigré Funds in Switzerland, 1916: An Okhrana Report", in: *International Review of Social History*, XIII (1968), pp. 76-84.

² "Protokoll der Untersuchungskommission über die Umstände der Ausreise Lenins und Genossen aus der Schweiz und Deutschland im Frühling 1917", manuscript, International Institute of Social History, p. 122.

³ Julian Reichesberg, like his twin brother Naum, had long been active in socialist circles in Bern. Originally from Kiev, both brothers had made careers for themselves in Switzerland, but they continually rendered aid to Russian political émigrés. Plotnik was chairman of the Geneva Emigré Committee. Kossovsky had made a mark in the emigration by his openly defeatist position from the first days of the war. Dzerzhinskaia, the wife of the head of the Cheka, had lived in Switzerland since 1914; see her memoirs, *V gody velikikh boev* (Moscow, 1964). Lev Kritsman joined the Communist Party in 1918 and played an important role in Soviet economic planning during the 1920's.

⁴ See Doc. 1. Sergei Bagotsky, a doctor who had at one time treated Lenin and Krupskaja, later became the representative of the Soviet Red Cross in Switzerland. See his memoir *O vstrechakh s Leninym v Pol'she i Shveitsarii* (Moscow, 1958).

passed into the possession of the Swiss Socialist Party in Bern, and some twenty years later, Jules Humbert-Droz, then secretary of the SPS, sent part of the archive, including the report, to the International Institute of Social History in Amsterdam. (In 1970 the Swiss Socialist Party gave the remainder of the archive to the *Schweizerisches Sozialarchiv* in Zurich.¹)

The report consists of two parts, a preliminary draft and the final report. The first part, made up of three handwritten booklets in Russian, contains the oral testimony of witnesses together with the commission's discussions, as recorded by Plotnik. The second part, six handwritten booklets containing both Russian and German text, is a careful copy of the first, together with the addition of depositions in German and Russian as well as with the final report of the commission. It is from this second part, which bears the name *Protokoll der Untersuchungskommission über die Umstände der Ausreise Lenins und Genossen aus der Schweiz und Deutschland im Frühling 1917*, that the documents published below are taken.

Testimony before the commission concentrated on two general themes – the efforts of the Central Emigré Committee during March and the beginning of April to win permission to travel through Germany and the decision of the Leninists to arrange their own departure on April 9. As might have been expected, the witnesses, who included Swiss as well as Russians, did not all have equally sharp memories. Often they contradicted each other, and some were woefully and demonstrably mistaken. Nevertheless a rather coherent picture of the events of March and April emerged from the testimony.

Generally all witnesses agreed in dating the beginning of the formal appeal for permission to cross Germany as being the proposal made by Julius Martov to a meeting of Russian Zimmerwaldists in Bern on Monday, March 19. At the request of the Russians, Robert Grimm, a leading Swiss Socialist, asked the Swiss foreign minister, Arthur Hoffmann, to sound out the Germans on the idea to allow the Russians to pass through Germany in exchange for the release of German civilians interned in Russia (Doc. 2). The Germans quickly agreed, and in the absence of any response from Petrograd, they even offered to allow the émigrés to pass “on credit”, i.e., in anticipation of a formal agreement on exchange.² Grimm, insisting that the Germans

¹ I want here to express my gratitude to the late M. Jules Humbert-Droz and to Dr Miroslav Tucek of the Schweizerisches Sozialarchiv for their help in tracing the wanderings of this report.

² For documentation of the German side of the negotiations, see Hahlweg, *Lenins Rückkehr*, and Zeman, *Germany and the Revolution in Russia*. Zeman and others, however, give too much significance to the work of Evg. Mikh.

had posed no special conditions, thereupon declared that he had done all he could, pending a response from Petrograd.

On the morning of Wednesday March 28, Grimm passed on the news of the German decision to two Russians, Bagotsky and G. E. Zinoviev (Doc. 3). On the evening of March 29 Russian party leaders met in Zurich after a talk by Lenin at the *Eintracht* house, and they debated the German proposal. Over the objections of the Bolsheviks, the gathering decided to delay action until all possible means of obtaining Petrograd's approval had been exhausted. Lenin criticized this hesitation, and the next day he decided to take the initiative himself. On March 31 he issued a statement summarizing Grimm's and Hoffmann's efforts. He declared his party's readiness to travel on the terms offered by the Germans, and he invited comrades throughout Switzerland to join him.¹ Grimm was shocked by the public mention of Hoffmann's role, which the Entente could construe as a violation of Swiss neutrality, and he declared that he would have nothing more to do with the matter. Meanwhile, the German ambassador in Bern, Baron Gisbert von Romberg, sat impatiently waiting and wondering why the Russians were taking no action.

On Monday evening, April 2, Russian émigré leaders again met in Zurich. Those present included Martov, A. S. Martynov, I. S. Astrov, D. B. Riazanov, Pawel Lewinson-Lapinski, Isaak Bisk, Bagotsky, P. B. Akselrod, S. Iu. Semkovsky, and A. V. Lunacharsky.² Lenin's followers were conspicuous by their absence. Most of the speakers criticized Lenin for a lack of caution, and some complained that G. L. Shklovsky, a Bolshevik living in Bern, had made a unilateral approach to the Germans through the person of a Swiss *Bundesrat*, Dr Eduard Müller, who resided near Shklovsky.³ Only Lunacharsky rose to

Tsivin ("Weiss") as a German informant. See Senn, *The Russian Revolution*, pp. 200-2.

¹ Lenin, *Poln. sobr. soch.*, Vol. 31, pp. 83-84.

² See Doc. 4. Martov, Martynov, Astrov, Akselrod, and Semkovsky made up the Mensheviks' Foreign Secretariat in Switzerland. Natanson was a senior member of the Socialist Revolutionary Party. Riazanov had his differences with both the Bolsheviks and the Mensheviks. Upon his return to Russia in the summer of 1917, however, he joined the Bolshevik party. Lapinski, a close friend of Martov's, was foreign representative of the PPS-Left. He later belonged to the Polish Communist Party. Isaak Bisk had been an active member of the Liga Schweizerischer Hilfsvereine für politische Gefangene und Verbannte Russlands. (The IISH possesses a small archive of this league.) On Lunacharsky's role in attempting to reconcile Russian socialist factions at this time, see V. R. Shcherbina et al., ed., *V. I. Lenin i A. V. Lunacharskii* [Literaturnoe Nasledstvo, No 80] (Moscow, 1971), pp. 634-44.

³ Shklovsky, a longtime resident of Bern who in 1917 received his doctorate in chemistry, had long been a close collaborator of Lenin's. See Leonhard Haas, ed., *Lenin, Unbekannte Briefe 1912-1914* (Zurich, 1967).

defend Lenin's "act of civil manliness", a manliness which "the Lunacharsky did not possess". The Russians all agreed, however, that it was obviously impossible to return home through the territory of the Entente. The only path home lay through Germany, and the question was only when and under what circumstances. In the end, seeking to avoid the criticism and suspicion which they were certain would be directed at Lenin's decision, they adopted a resolution proposed by Martov to the effect that the Soviet of Workers' Deputies in Petrograd should press the Russian government to approve the idea of an exchange with Germany. In the meantime, the resolution concluded, the group considered Lenin's decision "a political error".

Lenin expressed outrage at the resolution, declaring that the Mensheviks had been frightened by the "social patriots" and that "I will go (and Zinoviev) *in any case*".¹ Lenin had at first envisaged departing from Switzerland on April 4. Grimm's refusal to act on his behalf and the opposition of the other Russian leaders now forced a delay on him as he had to find his own mediator to deal with the German mission in Bern. The background of the approach which Lenin now made to Baron Romberg has been clouded by layers upon layers of rumors, suspicion, innuendoes, and even fabrications. There has been considerable speculation about possible links between Romberg and Lenin even before the February Revolution of 1917, but upon investigation this story has no substance.² More significant to the émigrés' investigating commission in the fall of 1917 was the question of the contacts between the Germans and Lenin's followers in March 1917. It was clear that Zinoviev and Shklovsky had been very active in the first days after the revolution in seeking ways to arrange passage through Germany (see Docs 5, 6 and 7). More suspicious yet was the fact that in the latter part of March, one of Lenin's closest followers, Mieczyslaw Bronski-Warszawski, had engaged in secret talks with a German agent.

¹ Lenin, *Poln. sobr. soch.*, Vol. 49, p. 427. Italics in original.

² The speculation has centered on the activities of two émigrés from Russia, Tsvin and Alexander Kesküla, and also on Carl Vital Moor, a Swiss socialist. While all three worked with the German ambassador in Bern, there is no evidence that they served as links between Lenin and the Germans. See Senn, *The Russian Revolution*, pp. 61-63. I have been criticized for having ignored Moor's possible role in this question in this book (see *Slavonic and East European Review*, L (1972), p. 477), but Moor became an active German agent only after Lenin's departure from Switzerland and therefore he should not enter into this discussion at all. See Leonhard Haas, *Carl Vital Moor. Ein Leben für Marx und Lenin* (Zurich, 1970), p. 169. In speaking to this question Soviet historians usually refer to Andrew Rothstein, "Aus dem Sumpf der englisch-amerikanischen Ostforschung", in: *Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas*, IV (1960), pp. 345-70.

Abram Charasch became the chief exponent in the émigré colony of the view that Bronski had made secret agreements. As an avowed socialist who also wrote for *Die Neue Zürcher Zeitung*, Charasch sat in an exceptionally influential position, and his views had repercussions both in the émigré colony and in the Swiss Foreign Office for some years to come.¹ Bronski, or Warszawski, had already served as a stormy petrel in Zurich socialist circles; he had played a major part in Lenin's campaign to influence the Socialist Party of the city of Zurich in the winter of 1916-1917. Well known for his lectures in socialist and youth groups, Bronski, who held a doctorate from the University of Zurich, had been Lenin's candidate for a seat in the *Vorstand* of the Zurich party in January 1917. After having apparently won, he was denied the post when the opposition forced the holding of another vote. Bronski left for Russia in the summer of 1917, and after the Bolshevik revolution he took the post of People's Commissar of Trade.

According to Charasch, Bronski had been approached through the wife of a friend, Bentsion Dolin, who, Charasch charged, had been a German agent. This seemed to many to be ample evidence for suspecting a secret arrangement between Lenin and the Germans. Dolin in fact had been an agent of the Russian secret police, the *Okhrana*. In October 1914 he had made contact with a German agent in Zurich, and on orders from his Russian superiors in Paris, he had undertaken missions for the Germans. After the February revolution he had returned to Russia but in the spring, as the police records were being opened for investigation, Dolin committed suicide.²

One of the German agents with whom Dolin had worked was a man whom he knew as "Semion Bernstein" but who was apparently Georg Sklarz, a close associate of Alexander Parvus-Helphand, an outspoken supporter and paid agent of the German government.³ On March 26

¹ See Doc. 8, and Charasch's articles "Lenins Abreise von Zürich", in: *Die Neue Zürcher Zeitung*, April 13 and 19, 1921. The Swiss Foreign Office later attempted to compile a dossier on Lenin's departure, and the major document in the collection was a four-page report written by Charasch and dated January 27, 1921. Bern, Bundesarchiv, EPD, 1918/1919, "Lenin. Ausreise aus der Schweiz".

² On Dolin, see V. K. Agafonov, *Zagranichnaia okhranka* (Petrograd, 1918), pp. 177-82, 335-40.

³ On Helphand and Sklarz, see Z. A. B. Zeman and W. B. Scharlau, *The Merchant of Revolution* (London, 1965). There is a strong tendency among western writers to exaggerate Helphand's activities in Switzerland from 1915 to 1917. To be sure, the German government gave him a great deal of money for his work, but his Swiss bank records indicated more investment than payments. Bern, Bundesarchiv, Landesgeneralstreik, S. 350. See also A. V., "Les révo-

Bernstein-Sklarz approached Mme Dolina in Zurich and after a round-about discussion persuaded her to arrange a meeting with Bronski the next morning (see Doc. 9). Some details of the talks between Sklarz and Bronski over the next two days are known from Sklarz's report to the German government, made upon his return to Berlin on March 29,¹ but Dolina's testimony would indicate that the Germans made no direct offer to the Bolsheviks until the beginning of April, after Lenin had decided to deal directly with the German mission in Bern. In any case, in letters written on March 28 and March 30, Lenin made clear that he would not work with Sklarz.²

Lenin had considered a number of alternative routes for returning to Russia. On March 15, in his first reaction to the news of revolution, he expressed great regret at not having risked moving to Scandinavia in 1915 (which may have been a reference to an offer made him by Helphand at that time). The revolution in Petrograd, Lenin declared, was only in its first stage and would yet expand beyond the confines of Russia. He directed Inessa Armand to investigate the possibilities of traveling through France and England, and his supporters in Switzerland, as noted above, made inquiries about Germany. He considered donning a wig and using the passport of a Russian comrade, he debated traveling as a deaf and mute Swedish sailor, and he even spoke of attempting to hire an airplane. When a follower in Copenhagen, apparently at Helphand's initiative, wrote of the possibility of arranging transit through Germany, Lenin directed him to correspond with Bronski, and this apparently led to the talks between Bronski and Sklarz-Bernstein.³ On March 19, before Martov made his historic proposal, Lenin wrote to Armand questioning whether some Russian "defensist" such as A. A. Troianovsky or N. A. Rubakin couldn't be persuaded publicly to raise the idea of transit through Germany.⁴ He himself did not dare, and therefore he welcomed Martov's initiative all the more enthusiastically. As late as March 23, however, he wrote despairingly: "What if *neither* England *nor* Germany will in any way let us pass!! This is possible!"⁵

lutionnaires russes en Suisse et leur départ pour la Russie", in: Bibliothèque universelle et Revue suisse, XL (1918), pp. 249-58.

¹ Zeman, *Germany and the Revolution in Russia*, pp. 27-28.

² Lenin, *Poln. sobr. soch.*, Vol. 49, pp. 417-23.

³ On Lenin's considerations about returning, see *ibid.*, pp. 403 ff.; N. K. Krupskaja, *Reminiscences of Lenin* (New York, 1970), pp. 335-46.

⁴ Troianovsky, a Bolshevik living in Baugy, had argued that socialism had always recognized the right of self-defense of a country. He later served as a Soviet diplomat. Rubakin, a bibliographer also living in Baugy, was becoming a pacifist under the influence of Tolstoyan friends.

⁵ Lenin, *Poln. sobr. soch.*, Vol. 49, p. 409. Italics in original.

Some western writers have questioned Lenin's assumption that the English would stop or even arrest him,¹ but British diplomatic sources make clear that travel through England would have been dangerous for Lenin. On March 24 the British representative in Stockholm, Esme Howard, reported: "There is a great danger and it is most likely that Germans will now send in agents of all kinds to blow up munitions, factories etc., as well as work for separate peace." Because of the instability in Russia, British and French officers were taking over the frontier; the Russians were "practically useless for control". Howard had no shortage of informants ready to denounce Lenin; an "Estonian socialist", probably Alexander Kesküla, informed him that "Lenin is a most dangerous man". In his memoirs Howard wrote that the Allied ministers in Stockholm had discussed whether they should stop Lenin's return: "But the plan seemed impossible. It looked as if it might make the situation worse."²

As Grimm's efforts on behalf of Martov's proposal developed, Lenin's hopes rose, and he urged his followers in Petrograd to press for official agreement to the idea of an exchange. In the absence of any answer, he finally decided to accept the German offer of "credit". On April 3, the day after the other émigré leaders had declared their opposition to his decision, Lenin summoned his followers to the *Eintracht* house and then retired to a conference room with just three other persons, all non-Russians: Willi Münzenberg, Fritz Platten, and Karl Radek.³ According to Platten, it was at this point that he agreed to act as Lenin's intermediary with the Germans. Lenin, however, had earlier considered having Platten accompany a group through England;⁴ Platten made no mention of this in either his testimony or his memoirs. Perhaps Lenin had not revealed this idea to him previously and on April 3 had carefully staged the meeting so as to arrange Platten's agreement. This might also explain the absence of any other Russians such as Zinoviev. Platten's statement to the Swiss Socialist Party (Doc. 13) indicated that he indeed was only now summoned into Lenin's council whereas Radek and Münzenberg had been in contact with Lenin for several days on this question.

¹ Cf. Stefan T. Possony, *Lenin: The Compulsive Revolutionary* (Chicago, 1964), pp. 205-8.

² Esme Howard, *Theatre of Life* (London, 1936), II, p. 264; Howard to London, March 24 and April 14, 1917, Public Records Office, London, FO 371/3005/54134.

³ See Docs 10, 11 and 12, and Willi Münzenberg, *S Libknekhtom i Leninym* (Leningrad, 1930), pp. 147-48; Fritz Platten, *Die Reise Lenins durch Deutschland im plombierten Wagen* (Berlin, 1924), pp. 28-29; M. M. Kharitonov, "Iz vospominanii", in: *Zapiski Instituta Lenina*, II, p. 144.

⁴ Lenin, *Poln. sobr. soch.*, Vol. 49, p. 417.

At any rate, Platten now agreed to assume Grimm's former role, and he, Lenin, and Zinoviev took the afternoon train to Bern where they met Grimm on the same evening. Despite Grimm's objections, Platten visited Romberg the next day, and eventually Lenin's party departed on Easter Monday, April 9. The investigating commission came up with no new evidence concerning these last four or five days of Lenin's activity in Switzerland. For the historian this period seems well enough documented by the protocol which the Bolsheviks themselves drew up before their departure, the published German documents, and the variety of available memoir material.¹

In its final report (Doc. 14), the commission reported that it had found no secret arrangements behind the transit of trainloads of émigrés through Germany. While expressing some doubts about the character of the talks between Bronski and Sklarz, it refused to make a judgment, instead suggesting that the matter be referred to the political parties in Russia. The only point on which the Leninists could be faulted lay in Lenin's breaking the émigrés' united negotiating front and choosing to act alone. The quasi-judicial proceedings of the commission represented no novel departure in prerevolutionary émigré politics. No witness challenged the group's right to conduct the investigation, and there seems to have been no disagreement on procedures. As such the very existence of the investigating commission offers intriguing testimony on the ways of émigré life.

The testimony and the documents collected by the commission were understandably of varying usefulness and reliability. I have chosen what I consider to be the most significant items with reference both to the person making the statement and also to the content of the item. The commission on occasion became sidetracked in discussing other subjects, but I have selected the evidence only on the circumstances of Lenin's departure. I have added two documents, 1 and 13, which I have found in the *Schweizerisches Sozialarchiv*, Zurich, and I have also taken the liberty of arranging the documents in the order which I believe provides the best continuity for the reader. The Russian orthography and spelling in these documents have been modernized for this publication. Mistakes and oddities in the German text have been retained.

¹ See *Leninskii sbornik*, II, pp. 383-93; Gautschi, *Lenin als Emigrant*, pp. 266-86.

1. J. REICHESBERG AND S. BAGOTSKY TO O. LANG

Comité Central de Répatriement des Réfugiés Politiques Russes Résidant en Suisse

Zurich, le 29 November 1917

Genossen Otto Lang
Zürich

Werter Genosse!

Wir erlauben uns Ihnen folgendes mitzuteilen: Die Exesecutivkommission des Centralkomitee im Einverständniss mit dem Präsident der Untersuchungskommission hat beschlossen Sie zu ersuchen das besiegelte Couvert mit der Aufschrift „Protokolle und Dokumente der Untersuchungskommission“ zur Aufbewahrung in Empfang nehmen zu wollen; wobei von zwei in das äussere Couverte hineingelegten ebenfalls besiegelten Couvertes zu übergeben sind:

Das eine mit der Aufschrift „Original“ dem Centralkomitee der Polnischen Socialdemokratischen Partei oder einer mit dessen Beteiligung eingesetzten Kommission auf sein schriftliches Ersuchen;

das andere mit der Aufschrift „Kopie“ den Leitungen von sechs aus den folgenden zwölf Parteien: 1) Russische Soc.-Dem. Partei Bolschewiki, 2) Russ. Soc.-Dem. Partei Menschewiki, 3) Bund, 4) Partei der Social.-revolutionäre (internationalistische Richtung), 5) P.P.S. Levitza, 6) S.-D.K.P.uL. Central-comité, 7) S.D.K.P.uL. (Polnische Soc.-Dem. Partei Opposition), 8) Gruppe Wperiod, 9) Gruppe Nasche Slowo, 10) Lettische Socialdemokratie, 11) Zionisten-Socialisten, 12) Jüdische Partei Poiale-Zion auf deren gemeinsamen schriftlichen Ersuchen.

Mit Parteigruss

Der Präsident der Untersuchungskommission
Dr Julian Reichesberg

Der Präsident des [Comité Central de Répatriement des Réfugiés Politiques Russes Résidant en Suisse]

S. Bagotzky

Schweizerisches Sozialarchiv

2. DEPOSITION BY ROBERT GRIMM, OCTOBER 9, 1917

Auf Ersuchen des Präsidenten teilt Genosse Grimm folgendes mit: Die ersten Unterhandlungen über die Ermöglichung der Durchreise der russischen Emigranten über Deutschland wurden von ihm geführt. Bald nach Ausbruch der Revolution wurde er von den russischen

Delegierten der Zimmerwalder Konferenz in Bern zu einer Versammlung eingeladen, wo die Genossen Sinowjew, Martow und, wie er sich zu erinnern glaubt, auch Bobrow anwesend waren. Dort erfuhr er zum ersten Mal von der Idee der Reise über Deutschland. Es bestand die Absicht, den Plan dadurch zu verwirklichen, daß die deutschen Internierten in Russland als Kompensation vorgeschlagen werden sollten; aber die ganze Sache hatte noch keine bestimmten, festen Formen. Genosse Grimm wandte sich an Hofmann wegen diesen von den russischen Genossen vorgeschlagenen Plan, aber letzterer lehnte es ab, offiziell als Vermittler aufzutreten, da ein solcher Schritt, wie er sagte, als eine Neutralitätsverletzung von seiten der Schweiz aufgefasst werden könnte; privatim sprach er dann mit dem deutschen Gesandten, und es wurde der Vorschlag gemacht, in Holland eine Kommission zur Organisation des Austausches einzusetzen. Die russischen Genossen lehnten jedoch diesen Projekt ab. Dem Genossen Grimm ist es durch Hofmann gelungen von der deutschen Regierung ein prinzipielles Zugeständnis in Bezug auf die Durchreise der russischen politischen Emigranten zu erhalten und Grimm beschäftigte sich dann weiter nicht mehr mit dieser Sache. Der Grund hierfür war folgender: Nach Petersburg wurden telegraphische Anfragen wegen des Austausches gerichtet. Eine Antwort traf nicht ein. Nun wurde der Vorschlag gemacht, die Reise durchzuführen und dann von den Emigranten selbst in Petersburg den Austausch anzustreben. Mit diesem Vorschlage, den die deutschen Behörden akzeptierten, waren die Vertreter der Bolschewiki einverstanden, nicht die der anderen Gruppen. Dies veranlasste Grimm sein Mandat als erledigt zu betrachten, da er nur für Weiteres zu wirken sich erklärte, wenn alle Gruppen einig seien. Er glaubt, daß vor ihm niemand mit Hofmann in dieser Angelegenheit irgendwelche Verhandlungen geführt habe. Genosse Grimm habe gehört, daß Genosse Schklowskij mit Bundesrat Müller gesprochen hat, es sei ihm aber nicht bekannt, ob dieser dann mit Hofmann konferiert habe. Persönlich habe der Zeuge keine Verhandlungen mit der deutschen Gesandtschaft bezüglich der Reise der Emigranten geführt. Als der Zeuge von Hofmann das prinzipielle Einverständnis der deutschen Regierung erfuhr, verständigte er darüber die russischen Genossen. Dem Genossen Sinowjew erklärte er, daß es ihm nicht möglich sei, sich weiter mit dieser Sache zu beschäftigen, und dieser nahm es zur Kenntniß. Auf die Frage: wusste man auf der deutschen Gesandtschaft, daß Genosse Grimm sich für die Sache verwendet, antwortete Grimm, daß man es dort wohl durch Hofmann wußte. Auf die Frage: ob die deutsche Gesandtschaft jemals den russischen Emigranten die Durchfahrt sozusagen auf Kredit erlauben wollte, worauf diese dann in Dänemark das Einverständnis

der russischen Regierung zu einem Austausch abwarten sollten, antwortet der Zeuge mit einem bestimmten Nein. Er glaubt, es sei da ein Irrtum unterlaufen: man habe gewiß den deutschen Vorschlag von einer Kommission in Holland in mißverständlicher Weise zu einem solchen von Dänemark umgedichtet. In Bezug auf die Reisebegleitung: Frage: Warum waren Sie dagegen, daß Platten den Zug begleite? Antwort: Ich war keineswegs dagegen, erklärte aber Zinowjew gegenüber, daß nach der Meinung anderer Emigranten die Begleitung von jemand ausgeführt werde, der durch die Partei einen Namen hat und sie nach außen vertrete. Frage: Forderte die Gesandtschaft andere Kompensationen als den Austausch der Internierten? Antwort: Nach den Mitteilungen von Bundesrat Hofmann nicht.

Protokoll, pp. 71-74

3. TESTIMONY BY BAGOTSKY, SEPTEMBER 27, 1917

Свид. проезжал через Берн 28-го марта, и бернские товарищи просили его подождать результатов переговоров Гримма. Должен был приехать и тов. Натансон. Натансон не приехал. Свид. пошел с Зиновьевым к Гримму. Гримм сказал: „Гофман зондировал почву у немцев. Те согласны на проект обмена, даже согласны пропустить русских в кредит до получения ответа из России, но с тем, чтобы те ожидали в Дании согласия русского правительства.” [Добавление: Когда обратили внимание свидетеля на показания Гримма, где тот говорит, что речь шла не о Дании, а об устройстве комиссии для обмена в Голландии, свид. допускает, что мог ошибиться, смешав Данию с Голландией]. Мы (Багоцкий и Зиновьев) сочли это неудобным и предложили Гримму обратить на это внимание немецкого правительства через Гофмана. На другой день свид. пошел с женой Зиновьева в парламент, где Гримм назначил свидание. Туда должен был приехать немецкий посланник дать ответ Гофману, а последний Гримму. Он не приехал и свид. телефонировал в Цюрих Семковскому, что придет вечером в Eintracht, где после реферата Ленина должно было быть совещание партийных товарищей. Свид. тотчас же по приезде в Берн [sic] пришел в Eintracht. На этом совещании был и Бронский, но не делал никаких особых сообщений. 30-го марта Семковский и Балабанова поехали в Берн сообщить Гримму решение партийных центров, кроме ленинцев, заключавшееся в том, что они раньше предпринимают все шаги для легализации поездки со стороны России, а потом едут через Германию, если выяснится невозможность проезда через Англию. Для свид. вообще было ясно после разговора с Гриммом, что принципиальное согласие Германии имеется. Об этом

согласии свид. и телефонировал в Цюрих, а также написал Натансону и Кону.¹ Свидание с Гриммом 29-го марта имело целью лишь выяснить, настаивают ли немцы на том, чтобы русские эмигранты ждали в Дании согласия русского правительства. 31-го марта появилось циркулярное письмо ленинцев. Свид. комментирует это письмо. Во-первых, Гримм не мог одобрить этой формы из-за оглашения роли Гофмана, выступавшего, как частное лицо. Во-вторых, не Гримм предложил проект обмена и соответствующие хлопоты, а к нему обратились. Гримм отрицает, чтобы Гофман ему говорил, будто бы английское правительство не допустит вмешательства швейцарского правительства для осуществления обмена эмигрантов.

Protokoll, pp. 17-18

ADDITIONAL TESTIMONY BY BAGOTSKY, OCTOBER 13, 1917

Вопр.: Когда Гримм пригласил Зиновьева для сообщения ответа по поводу поездки эмигрантов?

Отв.: Телеграмма, вызывавшая Зиновьева, получилась около 10½ ч. утра 28-го марта.

Вопр.: Говорил ли Гримм определенно 29-го марта, что Гофман ждет в парламенте приезда немецкого посланника?

Отв.: Свид. с уверенностью этого сказать не может, но у него было тогда такое впечатление.

Protokoll, pp. 53-54

4. PROCEEDINGS OF THE MEETING OF REPRESENTATIVES OF THE PARTIES, APRIL 2, 1917

Как течения представлены: с.-р. интернационалисты, О.К. Рос. С.-Д., Бунд, Вперед, Наше Слово и без спец. мандата П.П.С. (левица). Присутствуют Натансон, Мартов, Мартынов, Луначарский, Абрамович, Рязанов, Левинсон, Астров, Биск, Багоцкий. Председатель Семковский, секретарь Багоцкий. Заседание открывается чтением письма Гримма в Ц.К. для возвр. пол. эм. в Россию.

Тов. Натансон делает неск. раз'яснений. После того, как Гримм узнал о письме Ленина к партийным течениям, в котором названа фамилия Гофмана, он отказался от дальнейших сношений с ленинцами и заявил, что этот путь может быть и для остальных потерян. История

¹ Feliks Kon, who had served as chairman of the Central Secretariat of Émigré Funds, at this time lived in Baugy where he worked as the secretary of N. A. Rubakin. Kon accompanied Lenin in leaving Switzerland.

всех переговоров с Гриммом представляется слъ образом: 19-го марта Натансон, Мартов, Зиновьев и предст. Бунда говорили с Гриммом о способах от'езда. Мартов внес предложение о двустороннем обмене. Зиновьев согласился и заявил, что проезд через Германию без обмена по политическим соображениям недопустим; 29-го Натансон получил телеграмму от Багоцкого с просьбой приехать в Берн, но в виду болезни не мог приехать. Ночью 29-го он получил express от Багоцкого с извещением о видоизменении первоначального плана, т.е. об обмене в кредит. Считая этот план опасным, он на сл. день (30 III) выехал в Берн, где встретился с Семковским, Балабановой, Зиновьевой и Корнблюмом.¹ Гримм им заявил, что первая половина дела им сделана, т.е. принципиальное согласие Германии на обмен имеется, что теперь задачей русских тов. снести с Петербургом. 31 III Зиновьев был у Натансона и предложил дать телеграмму в Сов. Раб. депутатов и если в течение неск. дней не будет ответа, ехать несмотря ни на что, ибо рабочий класс наверно одобрит этот шаг. Натансон предложил назначить заседание в Цюрихе на понедельник для обсуждения создавшегося положения. В условленный час (2-го апреля) Зиновьев встретил Натансона в Берне и заявил ему: мы решили ехать в среду, всю ответственность за этот шаг берем на себя, нет ли поручений в Питер?

Мартов дополняет: 31-го Зиновьев вручил ему письмо к партийным течениям, где говорится, что оттяжка недопустима, что др. течения оттягивают, что переговоры вел Гримм через Гофмана и т.д. В разговоре с Зиновьевым Мартов указал, что Ленин 29-го ночью после доклада Багоцкого согласился ждать, пока не выяснится, что русское, английское и французское правительство не дают возможности ехать. Зиновьев расстался с ним с тем, что в понедельник на совместном заседании этот вопрос разрешится. Примыкающий к ленинцам польский с.-д. тут же заказал на понедельник помещение.

Луначарский передает, что Ленин на заседание не придет, ни в какие переговоры входить не будет и едет через Германию, не дожидаясь никаких дальнейших шагов. Ленин в разговоре с ним протестовал, что Гримму было заявлено будто бы он хочет свое письмо к парт. течениям с именами Гримма и Гофмана опубликовать. Ленин этого совсем в виду не имел, он сожалет, что фамилия Гофмана там упомянута. Ленин заявил, что Гримм не точно передает факты. Всю ответственность за свой шаг Ленин спокойно берет на себя. Положение теперь изменилось. Прежние планы потеряли всякое значение. Теперь ни Керенский, ни Чхейдзе, ни совет раб. депутатов не заинтересован в

¹ Isaak Kornblum, a longtime resident of Bern, had served as chairman of the Bolshevik conference in Bern in 1915.

возвращ. эмигрантов. Осуждены будут не те, кто поехал, а те, кто остался. Луначарский считает этот шаг Ленина за акт гражданского мужества, он Луначарский таким мужеством не обладает.

Мартов. Зиновьев неоднократно упоминал, что фамилии Гримма и Гофмана гарантируют от обвинений в сношении с Германией, следовательно они имели в виду опубликовать письмо в случае надобности с фамилиями Гримма и Гофмана.

Семковский устанавливает точность переданного в письме Гримма разговора 30 III, Гримм именно и говорил о двустороннем ведении переговоров об обмене.

Натансон читает частное письмо к нему Ленина, в котором последний просит передать официальное свое письмо, где упоминаются фамилии Гримма и Гофмана, другим течениям и ни слова нет, что письмо их носит характер конспиративного документа.

*Абрамович*¹ говорит, что мы в Цюрихе от ближайших тов., от Комитета держали все дело в тайне, а в Женеве Зиновьев 29 III на реферате заявил, что „в среду едем”.

Луначарский. Ему из Женевы телеграфировали, что Зиновьев сказал там, будто бы можно ехать, ибо он от Гримма получил телеграмму, что скорее земля перевернется, чем они не доедут. В Шо-де-фоне т. Луначарскому сказали, что получены известия, будто бы в среду можно ехать. На этом основании он и заявил об этом перед рефератом Зиновьева. Зиновьев тут же ему возразил, что еще ведутся переговоры, что пока не получится ответа двустороннего не поедут. Об одностороннем плане Ленина Луначарский узнал только сегодня от т. Натансона.

Абрамович. По словам женевских тов. Зиновьев там говорил о плане поездки оч. туманно и люди поняли, что он имеет в виду двусторонний обмен.

Багоцкий. Ц. Ком. для возвр. пол. эм. в Россию, в который входят предст. Центров до сих пор ничего не знает о плане Ленина. Багоцкий узнал о среде сегодня вечером от т. Натансона. В воскресенье получилось из Женевы и Лозанны неск. писем о существующем будто плане отъезда в среду. Не зная ничего об этом, Багоцкий разослал сегодня утром ц. письмо с заявлением, что этот слух лишен всякого основания, что Исп. Ком. принял во внимание все возможные пути и спешно выясняет осуществимость их, что по имеющимся пока данным трудно предполагать, что вопрос этот будет разъяснен раньше конца этой недели.

Семковский. Шкловский вел переговоры через Мюллера с Гофманом.

¹ R. A. Abramovich, a member of the Bund and a Menshevik, later wrote a history, *The Soviet Revolution* (New York, 1962).

Зиновьев отрицал это в разговоре с ним и Балабановой. Гримм же в присутствии Зиновьевой, Корнблюма и Балабановой заявил, что ему известны переговоры Шкловского через Мюллера с Гофманом.

Натансон. Гримм сказал, что когда он обратился к Гофману, тот уже знал о плане от Мюллера через Шкловского.

Мартов. За спиной состоялось какое-то соглашение и нас поставили перед совершившимся фактом.

Абрамович. Большевики поступили некорректно, они должны были оповестить Гримма и тов.

Семковский. Перед нами вопрос, как Комитет должен реагировать.

Мартов. Комитет, если ленинцы будут что-либо публиковать, должен заявить, что эта поездка совершена в тот момент, когда комитет вел переговоры о двустороннем обмене.

Мартинов. Комитет должен продолжать свои попытки наладить путь; что касается среды, то комитету официально об этом неизвестно.

Семковский. В случае публикации ленинцев комитет должен в цирк. письме занять изв. позицию.

Абрамович. Публично отгрозиваться от ленинцев не приходится, не нужно заявлять, что мы их осуждаем. В газетах и так будет широкая огласка. Комитет должен заявить, что он продолжает дальше переговоры, поездка совершилась без его ведома, об различии мнений с ленинцами относительно обмена не упоминать. В ц. письме можно сказать все.

Мартов. Нужно упомянуть о разногласии относ. обмена, чтобы ясно было, что мы признаем возможной поездку через Германию, но при условии двустороннего обмена.

Натансон. Все дело уже гласно, имеют письма от анархистов, которые солидарны с Лениным. Знают об этом уже и правительства союзные, в субботу одна дама говорила с франц. тов. министра, который говорил, что им известно о переговорах русск. эмигр. с нем. правит., что Англия и Франция примут все меры, чтобы воспрепятствовать такому наруш. международного права. Англ. и фр. правительства не будут чинить препятствий эмигр. вернуться в Россию, но очень трудно выяснить подлинность отд. лиц и посему навряд ли раньше июня возможно возвращение их. Натансон считает крайне вредным для циммервальдийцев, если Ленин опубликует, что Гримм, представитель их комиссии, это устроил.

Аксельрод. Мы должны резко выступить, ибо это может всех дискредитировать. Пусть будет ясно, что это ошибка маленькой группы, а не всех. Когда выступить публично, сейчас решать нельзя. Пока нужно спасти публику, которая готова пойти за Лениным.

Мартинов. Тут два вопроса. Первый – комитет должен информировать эмигрантов, чтобы публика не была введена в заблуждение. Второй –

политический; нам нужно защищать позицию циммервальдийцев и не дать аргументов патриотам. Нужно немедленно опубликовать оглашенное Натансоном заявление фр. тов. министра и др. документы. В связи с этим поднять вопрос об обмене, заявив, что ленинцы приведены в отчаяние помехами, а мы еще хотим предпринять ряд шагов для легального разрешения вопроса; в конце концов, если не удастся, поедем. Центр тяжести должен быть в обвинении entente, выгораживая, а не обвиняя ленинцев.

Абрамович согласен с *Мартыновым*. Мы должны клеймить не ленинцев, а правительства. Нужно считаться с тем, что в конце концов вероятно придется ехать через Германию. Надо опубликовать заявление английского правительства, что пути нет.

Рязанов. Комитет с самого начала должен был вести эту кампанию, пользуясь закрытием начала и др. фактами. От ленинцев ни в коем случае не отгораживаться, ибо за ними идут в Питере массы, ведущие борьбу против войны. Ленин ошибается, он в среду не поедет, ибо теперь Гофман ему не поможет.

Семковский. Все-таки мы должны выяснить нашу позицию по отношению к Ленину, нельзя, чтобы одна группа втягивала всех в историю. Нужно обрутиться на entente, подготавливая почву для нашего проезда.

Биск вносит предложение прекратить прения. Ограничивается время речи каждого оратора 5 минутами.

Мартов вносит проект резолюции с заявлением, что время ее опубликования решится потом. Прочитывает свой проект резолюции.

Луначарский. Ленин публиковать не хочет, если не будет вынужден. Он однако втихомолку не поедет, заявит, что на проезд через Англию и Францию нет данных, что русское правит. в лучшем случае затягивало бы дело. Резолюция Мартова в общем приемлема.

Натансон. Ленин сможет поехать, ибо Гофман поможет через Мюллера. Ленинцы снесутся с ним. Удастся-ли нам потом ехать через Германию большой вопрос, ибо Гримму трудно будет говорить с Гофманом. Создается для циммервальдийцев трудное положение, ибо одна группа их вступила в непосредственные сношения с германским правит. Будут говорить, что они ратуют за мир в интересах Германии. Мы должны будем дать ответ, почему не едем и почему задерживали остальных. Имеющихся у нас документов мало и они спорны. Нужно их собирать.

Мартов. Поездка Ленина – недостаток предусмотрительности. Опаснее всего, что группы тов. завтра на свой страх и риск будут входить в переговоры с немецк. властями. В чистоту мотивов Ленина мы уверены, а кто его знает, если отд. группы эм. будут сами также действовать. Ответственность падет же на всех нас. Комитет должен заявить, что переговоры ведутся, поездка Ленина организована

без ведома комитета.

Латинский в голосовании участия не примет, ибо нет мандата. В интересах Ленина лежит, чтобы мы не ограничились сухим заявлением, ибо будут догадки неприятного свойства. Поднятый entente'ской прессой вой будет направлен и против нас, мы отмолчаться не сможем. Нужно заявить, что мы несогласны только в оценке политич. нецелесообразности.

Рязанов. Резолюцию Мартова нужно принять только тогда если Ленин ответ [ит].

Мартов. Момент опубликования резолюции решат организации, принявшие ее.

Резолюция Мартова принята единогласно представителями с.-р. интернац.; О.К.; Бунда, Вперед и гр. Начало, при чем Рязанов оговорил необходимость при опубликовании развить мотивировку. В виду позднего времени обсуждение практических шагов отложено до завтра.

Резолюция, предложенная Мартовым 2-го апреля 1917 г. Представители П.С.Р. (интерн. теч.), З.С.О.К. Р.С.Д.Р.П., З.К. Бунда, гр. „Вперед” и „Начало”.

Принимая во внимание, что все партии согласны, в виду очевидной невозможности ехать в Россию через Англию, благодаря противодействию английских и французских властей, что необходимо поднять через С.Р.Д. вопрос о согласии русского врем. правительства на обмен политических эмигрантов на находящихся в России германских гражданских пленнх, *констатируют*, что товарищи заграничные представители Ц.К. Р.С.Д.Р.П. решили не дожидаясь результатов предпринятых в этом направлении попыток, поехать сами в Россию через Германию за личной ответственностью, считают политической ошибкой это решение товарищей, поскольку не доказана невозможность добиться от русского временного правительства согласия на предлагаемый обмен. Цюрих. 2-го апр. 1917 г.

Protokoll, pp. 99-107

5. DEPOSITION BY FRIEDRICH HEEB,¹ OCTOBER 9, 1917

Der Zeuge deponierte folgendes: In den ersten Tagen der Revolution kamen Sinowjew und seine Frau oft auf die Redaktion der Berner Tagwacht, um Neuigkeiten zu erfahren. Einst fand da zwischen ihnen und dem Zeugen unter anderem folgendes Gespräch statt. Sinowjew

¹ Friedrich Heeb was a Swiss Socialist journalist, later editor of the Zurich Volksrecht.

sagte: „Es ist uns schwer unverzüglich nach Russland zu gelangen. Der Weg über Frankreich und England ist mit vielen Schwierigkeiten verbunden und ein sehr zweifelhafter. Der Weg über Deutschland wäre ein kürzerer und sicherer. Wäre es nicht möglich eine Notiz in die Zeitung zu bringen, die der deutschen Regierung zu verstehen giebt, daß es in ihrem Interesse sei, den russischen Emigranten Durchfahrt zu erlauben.“ Der Zeuge lehnte diesen Vorschlag ab als einen unpaßenden und unklugen, der nur die Reise kompromitieren würde, falls eine solche Zustände kommen sollte. Der Zeuge meint, dieser Vorschlag geschah einfach impulsiv und unüberlegt. Auf die Frage, ob der Zeuge nicht der Ansicht wäre, Sinowjew sei auf die Redaktion nur deswegen gekommen, um den erwähnten Vorschlag zu machen, antwortete der Zeuge, er sei der Meinung: Genosse Sinowjew kam, wie gesagt, öfters auf die Redaktion wegen Neuigkeiten; als der Zeuge seinen Vorschlag ablehnte, machte er keinen Versuch ihn doch durchzusetzen.

Protokoll, p. 74

6. DEPOSITION BY NAUM REICHESBERG,¹ OCTOBER 9, 1917

Свид. старался всеми силами удержать студентов от поездки через Германию, будучи председателем студенческой организации. Чтобы показать, что поездка через Германию дело не безобидное, свид. указал им, между прочим, на следующее: к нему пришло лицо (не из немецкого посольства, но близко стоящее к посольству) и возбудило, между прочим, в беседе вопрос о том, собираются ли и когда русские эмигранты вернуться на родину. При этом это лицо заметило, что не только германское правительство не окажет препятствий, но, по его мнению, и всяческое содействие. Свид. заметил по этому поводу студентам, что если такая поездка разрешается, то, верно, потому, что немцы видят в этом свою выгоду, и что это дело неподходящее. Свид. не может назвать комиссии Ц.К. вышеуказанное лицо, не имея на то его разрешения. Этот разговор имел место вскоре после начала революции, точно даты свид. не помнит. Вышеуказанное лицо не предлагало организовывать поездку через Германию, так что свид-лю такое предложение и не приходилось отклонять. По мнению свид-ля этот разговор носил характер зондирования почвы. Лицо, с которым свид. имел вышеупомянутый разговор, – швейцарец.

Вопр.: Обращался ли к свид-лю кто-нибудь из эмигрантов относи-

¹ Naum Reichesberg was Professor of Statistics and National Economy at the University of Bern.

тельно организации поездки через Германию?

Отв.: Через несколько дней после начала революции у свид-ля были Шкловский и Зиновьев и спросили, нельзя ли было бы обратиться к швейцарским властям с предложением устроить поездку эмигрантов через Германию. Свид. заявил им, что если такой план может быть поднят, то только на основе обмена на интернированных в России немцев, но лично он это предложение (т.е. зондировать почву у швейцарских властей) отклонил.

Protokoll, pp. 56-57

7. TESTIMONY BY ISAAK KORNBUM, OCTOBER 9, 1917

Свид. не вел никаких переговоров. Из разговоров с Зиновьевым у него получилось впечатление, что последний вместе с Багоцким живейшим образом обсуждал вопрос о поездке через Германию. Свид. лично принимал участие в одном свидании, имевшем отношение к поездке. Это свидание было в Volkshaus'e в 3 (или 4) часа дня. На нем присутствовали свид., тов. Зина (жена Зиновьева, бывшего в этот момент в Цюрихе), Балабанова и Семковский, приехавшие от Ц. Эв. Ком. из Цюриха, и Бобров. Собравшиеся ждали Гримма и до его прихода разговаривали частным образом о поездке. Балабанова, напр., высказывалась против поездки через Германию, говоря: немцы хотят использовать эмигрантов, мы на это идти не должны. Когда пришел Гримм, он заявил следующее: „Я говорил с Гофманом. Последнему германский посол сообщил о своем принципиальном согласии на пропуск русских эмигрантов.” Затем Гримм добавил: „Я дальше вести дело не могу. Мне больше здесь делать нечего. Найдите кого-нибудь, кто занялся бы технической организацией дела.” После этого свидания через пару дней свид. имел разговор с Зиновьевым. Последний сказал: „Мы порвали с Гриммом из-за его двусмысленной политики. Нам нужно подыскать кого-нибудь другого.” Свид. предложил Мора, но потом узнал, что Платтен согласен.

Вопр.: Что знает свид. о возникновении проекта поездки через Германию?

Отв.: На основании сообщения Зиновьева свид. полагает, что проект поездки на основе обмена выдвинут был по инициативе Мартова.

Вопр.: Кто вел переговоры с немецким посольством?

Отв.: У свид-ля впечатление, что это был безусловно Гофман, а не Гримм.

Вопр.: Слышал ли свид. о проекте заметки в газете? [см. показания Нееб'а].

Отв.: Никогда не слышал и считает это нелепым.

Вопр.: Знаете ли Вы что-нибудь о переговорах Шкловского с Müller'ом?

Отв.: Ничего об этом не слышал. Свид. не знает, чтобы Бронский приезжал в Берн; в момент свидания в Volkshaus'e по его мнению, его во всяком случае в Берне не было, по крайней мере, к Зиновьевым он в этот день не приходил.

Вопр.: Известно ли свид-лю, что проект о поездке эмигрантов через Германию вентилировался еще раньше до выдвинутого Мартовым проекта обмена на интернированных?

Отв.: Свид-лю неизвестно, чтобы где-нибудь до этого официально поднимался разговор об этом. Но, насколько ему помнится, в эмигрантских кругах об этом говорили еще до собрания, где Мартов потом выдвинул свой проект.

Protokoll, pp. 57-58

8. TESTIMONY BY CHARASCH, SEPTEMBER 27, 1917

Начало осведомленности свидетеля восходит к 20-му апреля 1917 г. В 9½ часа дня в редакцию газеты (Neue Zürcher Zeitung) к нему явился господин, представившийся свидетелю, как Dr. Wagner, немецкий республиканец и поклонник русской революции. Он просил держать втайне их разговор. Одним из последствий русской революции, сказал он, будет разоблачение связей между русским царизмом и немецкой бюрократией. Целый ряд русских бывших революционеро-охранников служили Германии во время войны. Этот разговор был 20-го апр. 1917 г. В статье от 23-го апреля, помещенной свид-ем в N.Z.Z. и намекающей на предстоящие разоблачения („Войну правительств они смогли использовать в своих интересах и по своему обыкновению вели привычную двойственную политику” из статьи в N.Z.Z.),¹ свид. говорил о петербургском досье, чтобы отвести след от своего настоящего источника. Эта статья в N.Z.Z. имела целью привлечь внимание публики, которая почувствовала бы себя задетой [т.е. свид. думал, что кто-нибудь из лиц, кто почувствовал бы себя задетым намеками свидетеля, явится к нему за раз'яснениями]. Но единственным результатом было лишь возобновление Долиной абонемент на газету вскоре после статьи свидетеля. Второе посещение свидетеля Warner'ом имело место 25-го мая утром. Тогда еще не было здесь Бурцевских материалов,² т.е. статьи в „Русском Слове” от 9-го мая ст. ст., и свид. об

¹ Charasch's article, "Das Ende der politischen Spionage", noted the closing of the Tsarist police office in Paris and spoke expectantly of revelations about police agents among the émigrés.

² Vladimir Burtsev, a veteran revolutionary who had done much to expose and

этом еще ничего не знал. Dr. Warner указал свидетелю, как на одно из лиц, ему известных в качестве агентов, на Долина и заявил, что жена Долина продолжает дело мужа. *Вопрос Warner'a*: Знаете ли Вы жену Долина? *Ответ свид.*: Знаю и не верю, чтобы она продолжала дело мужа. *Ответ Warner'a*: Вы в этом убедитесь позже, а также в том, что она не одна, а действует с некоторыми другими. *Вопрос свид.*: Согласны ли Вы перед тесной группой лиц, гарантирующих тайну, возобновить свои показания? Dr. Warner отказался, равно как и сделать это перед редакционной группой N.Z.Z. Тогда свид. сейчас же после ухода Warner'a вошел в кабинет двух иностранных редакторов N.Z.Z. и сказал им, что скоро будут разоблачены некоторые немецкие агенты в среде русской охранки. Это заявление было сделано им в самом общем виде. Свид. замечает, что он еще 26-го апреля поместил заметку об охранниках в русской среде, живущих в Швейцарии, раскрытием которых занимается группа русских журналистов.

Protokoll, pp. 19-21

9. TESTIMONY BY DOLINA, SEPTEMBER 28, 1917

Бернштейн встретил впервые Бронского на квартире у свидетельницы при следующих обстоятельствах: Сестра Бернштейна явилась на квартиру свидетельницы и сказала ей: „Вас хочет видеть один господин.“ Сейчас же за тем она пошла за Бернштейном и вернулась с ним. Последний заявил: „Моя сестра собирается ехать в Россию. Не можете ли Вы дать мне для нее адрес Долина?“ Тут же Бернштейн спросил свидетельницу, не собирается ли она ехать в Россию. Свид. сказала, что намеревалась ехать в Россию, но не может, так как русское консульство для выдачи визы требует заграничного паспорта. (Свид. справлялась об этом в январе 1917 г.) Бернштейн заметил тогда, что паспорт можно достать. Свид. спросила, дорого ли обойдется паспорт. Бернштейн ответил: „Ничего.“ Когда свид. выразила свое удивление, Бернштейн повторил: „Да, ничего; мы Вам это устроим.“ Тут же он спросил: „А есть ли у Вас знакомые мужчины, которые хотели бы ехать в Россию?“ Припомнив, что Бронский говорил ей о своем желании ехать в Россию, свид. заявила Бернштейну, что у нее есть такой знакомый. Бернштейн спрашивал свидетельницу, является ли этот мужчина ее знакомым, и из утвердительного ответа свидетельницы, очевидно, заключил, что это должен быть револю-

disrupt the clandestine operations of the Tsarist secret police, had become a defensist during the war.

ционер. Свид. припоминает, что Бернштейн даже спросил после: „а что он революционер?“ Бернштейн предложил свид-це устроить, как можно скорее, свидание между ним и ее знакомым. Свид. назначила следующее утро. Свид. в тот же день отправила Бронскому телеграмму, приглашая его на следующее утро. Утром в присутствии свид-цы состоялось свидание между Бернштейном и Бронским. Бернштейн заявил Бронскому: „Германия хочет заключить мир, а так как русские революционеры за мир, она пропустила бы через свою территорию в Россию русских революционеров, которые агитировали бы за мир. Бернштейн настаивал, чтобы ехали одни лишь интернационалисты и только мужчины. Бронский заявил ему: „Мы не можем принять таких условий; разрешение на проезд должно быть дано всем русским эмигрантам, мужчинам, женщинам и детям; оно должно носить официальный характер и быть опубликовано в газетах за несколько дней до отъезда.“ На этом они разошлись. Днем этого же дня явилась сестра Бернштейна, заявила, что брат ее отсрочил свою поездку и хотел бы еще раз повидать господина, с которым он говорил. Свид. вызвала Бронского, но при этом свидании уже не присутствовала, так как считала это дело неопытным. Бронский на первом свидании заявил Бернштейну, что должен переговорить с товарищами на собрании, которое должно у них быть. Свид-це Бронский говорил, что переговорили с т. Лениным. Бронский сообщил свид-це, что на втором свидании речь шла о том же, что и на первом, и что, как выразился Бронский: „В Вашем отсутствии этот подлец предлагал деньги.“ Утром 28-го марта на квартире у свид-цы было третье свидание Бронского с Бернштейном, длившееся лишь две-три минуты. В этот же день свид. уехала из Цюриха. В ее отсутствие пришла телеграмма, кочевавшая несколько дней. Когда эта телеграмма дошла до свид-цы, она ее вскрыла, но по тому, что телеграмма была из Берлина, поняла, что она для Бронского, и ее не читала. Когда свид. вернулась в Цюрих, она встретила случайно на вокзале Бронского и передала ему телеграмму. Последний прочитал ее при свид-це. Насколько ей помнится, ответ был положительный и был указан срок поездки. По прочтении Бронский сказал: „Мы получили уже разрешение и без него через швейцарских товарищей.“

Protokoll, pp. 35-37

10. K. RADEK TO S. BAGOTSKY

[Stockholm, October 7, 1917]

Уважаемый товарищ, Вопросы заданные Вами мне на счет переговоров Бронского удивляют меня очень, т.к. заявления Долиной дают полную

картину этих переговоров, не оставляя места, на какие бы то ни было инсинуации. Из заявления Долиной для всякого внимательного читателя ясны вполне цель и характер переговоров, как и отношение этих переговоров к позднейшей организации проезда. Через Долину Бронский узнает, что какая-то „подозрительная” личность хочет говорить на счет проезда. Это случается в момент, когда веденные Гриммом переговоры не двигаются вперед, когда большевики хотели даже рискнуть арестом и ехать через Германию на подложные паспорта. „Подозрительность” лица, кр. обратилось к Бронскому не могла быть препятствием для переговоров: 1) это лицо могло помочь переехать через Германию контрабандным путем, за деньги; 2) всякое лицо имеющее прикосновение к немецкому правительству „подозрительно”, а мы ведь решили ехать и искали разрешения немецкого правительства. Немецкий посол, с которым вел переговоры сперва Грим, а потом Платен, не менее „подозрительное лицо”. Доклад Долиной доказательство, характера поведения Бронского. Бронский даже перед Долиной, человеком непартийным, не делает тайны из содержания переговоров, сообщает ей даже о сделанном в ее отсутствии грязном денежном предложении этим субъектом. Долина сама заявляет, что Бронский отклонил всякие условия и потребовал, чтобы германское правительство гласно, открыто заявило о своем согласии на переезд всех политических эмигрантов без различия убеждений. Значит Бронский добивается того, чего мы позже другими путями для себя и для следующих поездок добились. Видя, что переговоры этого результата не дают, Бронский прерывает переговоры и как это свидетельствует Долина на телеграммы не отвечает. О всех шагах, предпринятых с целью получения разрешения переезда, мне сообщалось по телефону в Давос. Я был потому в курсе всех переговоров на счет переезда, т.к. товарищи большевики, не зная конкретов немецкой политики, не зная политических личностей и их роли, которые мне, работавшему 10 лет в немецкой социалдемократии во всех подробностях были известны, боялись сделать ложный шаг и просили моей помощи. В один из этих дней, вечером (числа не могу установить точно, если не ошибаюсь в конце марта или первых днях апреля) Бронский сообщил мне по телефону об предложении какого-то мелкого агента, прибавляя при этом, что это предложение отклонено и прося меня приехать немедленно, для обсуждения дальнейших шагов. Я приехал на следующий же день. На вокзале, ожидавший меня Бронский рассказал мне обо всем и между прочим о предложении денег. Мы отправились к Ленину и я входя сейчас сказал Ленину, всякие переговоры с частными лицами не имеют смысла, надо вызвать по телефону Зиновьева, узнать хочет ли Грим действительно энергично довести дело до конца или нет. Из разговора по телефону

с Зиновьевым, у нас получилось впечатление, что Грим не ведет дела, как следует и решились обратиться к Платену. Я с Платеном переговорил на следующий день и мы втроем с Лениным и Платеном поехали в Берн. Из этого хронологического представления хода дела вытекает ясно, что никаких переговоров за плечами Платена Бронский не вел, ибо в момент переговоров Бронского, с Платеном переговоры еще не были начаты. Через Платена мы добились того, к чему с самого начала стремились: проезда для всех на основании точного публичного договора с герм. правительством. Таким образом переговоры Бронского никакого отношения к устройству переезда в его, окончательной, нами через Платена принятой форме, не имеют. На вопрос Ваш знали Ленин о переговорах Бронского не могу точно ответить. Будучи уверен, что Ленин осведомлен, я с ним о переговорах Бронского, на сколько помню, не говорил. На счет шагов Бронского у меня нет ни малейших сомнений. Зная что Швейцария кишит всякого рода агентами всех правительств, которые обращаются с предложениями к товарищам в официальных положениях, как и к „простым рядовым”, мы считали своей обязанностью с людьми этими говорить, чтобы иметь возможность контроля не втягивают ли они рабочих мало опытных товарищей в какую-нибудь авантюру (я сам лично знаю два случая, когда левые циммервальдские товарищи именно таким образом поступили с агентами Entente, делающих денежные предложения для ускорения револ. движения в Германии). Из этого видно, что только желание начать новую клеветническую кампанию против большевиков, может быть побуждением для того чтобы начать склоку и ложно толковать совершенно ясный, недвусмысленный поступок Бронского. Прошу Вас это мое письмо сообщить Центр. Эмигр. Комитету и тем лицам, которым посланы были сообщения Долиной. С товарищ. приветом (подпись) 7.10.17.

Protokoll, pp. 93-96

11. DEPOSITION BY WILLI MÜNZENBERG, OCTOBER 25, 1917

Auf die Frage, warum Genosse Münzenberg zu der Beratung mit Platten, Radek, Lenin ins Vorstandszimmer der „Eintracht” gezogen wurde, wisse der Zeuge dies nicht; er glaube, es sei deshalb gewesen, weil er mit Radek viel verkehrt hatte. Lenin und Platten fuhren am selben Tage mit dem Zuge 3h15 nach Bern. Genosse Münzenberg kann sich nicht erinnern, ob ein Genfer Genosse zur gleichen Zeit in der „Eintracht” war. Sinowjew war bei ihrer Besprechung nicht zugegen; ob er überhaupt damals in der „Eintracht” war, kann sich Genosse Münzenberg ebenfalls nicht erinnern. Ueber

das Datum dieser Besprechung befragt, kann sich der Zeuge nicht erinnern, er wird sich aber bemühen das Datum festzustellen.

Protokoll, p. 71

12. TESTIMONY BY V. A. KARPINSKY,¹ OCTOBER 8, 1917

Вопрос Коссовского относительно организации поездки через Германию.

Ответ: 3-го апреля свид. был в Цюрихе и Берне, как делегат женевской секции, и 7-го апреля ездил снова, так как поездка была отложена на два дня. Он был делегатом женевской секции, чтобы узнать об обстоятельствах поездки. Он узнал о принципиальном согласии Германии, разузнал о мотивах поездки, мотивах, официально опубликованных, и при нем узнали содержание письма Гримма. Впечатление у товарищей было скверное, так как они рассматривали его поведение, как двуличное. Тогда решено было обратиться к другому швейцарскому товарищу. Это решил Ц.К. Оставалось только организовать поездку, так как главное было уже сделано Гриммом, но деталей поездки еще условлено не было, а только принципиальное согласие Германии на условия обмена на интернированных немцев. Обратились в то же утро к Платтену, который согласился. В этой стадии свид. уехал; проезжая через Берн, свид. видел Зиновьева. Его вызвал утром Гримм и спросил, когда они думают ехать, так как главное уже улажено. Зиновьев сказал: в один из ближайших дней. Во время разговора Зиновьева с Гриммом Зиновьев еще не знал о письме Гримма. Свид. ознакомил Зиновьева с этим. Это было того же 3-го апреля на вокзале. Ц.К. остановился, как уже было указано свид-лем, на услугах тов. Платтена. Разговор Платтена с немецким послом был очень краток. Он пришел в немецкое посольство и заявил, что он пришел вместо Гримма докончить дело, начатое Гриммом, и вот условия: принимаете вы их или нет! Он уклонился от всякого разговора. Днем поездки было назначено 7-е. Но некоторые товарищи просили отложить из-за пасхальных праздников, и поэтому поездку перенесли на 9-е. Подробности о роли Гримма, равно как о деятельности в связи с поездкой до 3-го апреля свид. не имеет. Извещение о принципиальном согласии Германии свид. и его товарищи (в Женеве) получили вместе с постановлением Ц.К. 1-го апреля. Свид. не знает, от кого точно товарищи получили извещение о согласии Германии, от самого ли Гримма или

¹ V. A. Karpinsky headed the Bolshevik library in Geneva and directed Lenin's publication activities in Switzerland during the war. After the Bolshevik revolution he closed the library, and in January 1918 he returned to Russia.

через кого-нибудь (ответ на вопрос Тов. Коссовского). Письмо Гримма было послано не Ц.К., а меньшевикам (свид. не знает точно кому). Луначарский, Рязанов рассказали товарищам большевикам в читальне о собрании представителей групп в Цюрихе, бывшем 2-го апреля. Большевиков на нем не было. Они же сообщили про письмо Гримма (в читальне). В ресторане, где был Платтен, Мюнценберг, Надежда Константиновна, Радек, Бронский, свид. и др., было предположено передать Платтену дела о поездке. Это не было официальным совещанием. Решение передать Платтену было вызвано письмом Гримма, которое было понято, как определенный отказ. О вышеупомянутых переговорах Гримма с Зиновьевым (по телефону) товарищам большевикам в Цюрихе известно не было, равно как и обратно товарищам большевикам в Берне в этот момент не было известно о письме Гримма.

Protokoll, pp. 60-62

13. MEMORANDUM BY FRITZ PLATTEN, UNDATED [1917]

Am 4. [sic] April berichtete mir Genosse Radek durch Münzenberg, dass ich um $\frac{1}{2}$ 11 unbedingt in die „Eintracht“ kommen müsse, da die russischen Emigranten wichtige Angelegenheiten mit mir zu besprechen hätten. Bei dieser Besprechung, die im Vorstandszimmer der „Eintracht“ stattfand, wurde mir das Anliegen gestellt, mich den russischen Emigranten der bolschewikischen Richtung als Vertrauensmann zur Verfügung zu stellen; sie beabsichtigten durch Deutschland nach Russland zu reisen und Genosse Grimm hätte die Verhandlungen mit den entsprechenden Amtsstellen bereits begonnen, doch sei eine Verschleppung wahrzunehmen und seien sie sich immer im Ungewissen über die Schritte, die Genosse Grimm unternommen hätte, und es wäre ihnen daher sehr angenehm, wenn ich mich ihnen zur Verfügung stellen und womöglich mit ihnen zusammen nach Petersburg reisen würde. Ich erklärte mich nach kurzem Besinnen bereit, ihnen zur Verfügung zu stehen und wir fuhren noch gleichen Tags um 3 Uhr nach Bern.

Dort versuchte ich, mit dem Genossen Grimm in Verbindung zu kommen; er war aber durch eine Zimmerwalderausschuss-Sitzung verhindert, zu einer Besprechung abzukommen, so dass ich erst abends, um 7, $\frac{1}{2}$ 18 Uhr beim Nachessen mit ihm über die Angelegenheit sprechen konnte. Ich erklärte ihm, dass Lenin, Zinowjew und Gesinnungsgenossen mich beauftragt hätten, als ihr Reisebegleiter zu fungieren, und ich beauftragt sei, als ihr Vertrauensmann auf die deutsche Gesandtschaft zu gehen, um dort noch die letzten Abmachun-

gen bezüglich der Reise zu treffen.

Genosse Grimm erklärte kategorisch, er könne mich als Mittelsperson zwischen den russischen Emigranten und der deutschen Gesandtschaft nicht akzeptieren, auch könne ich es nicht verantworten, als Parteisekretär diese Mission zu übernehmen. Er hätte bereits einen Mittelsmann gefunden, und dann seien noch Angelegenheiten zu erledigen, die ich nicht übernehmen könne, und mein Dazwischentreten würde seine Pläne nur stören, denn es sei ausser der rein technischen Erledigung dieser Angelegenheit noch eine weitere wichtige Angelegenheit in dieser Verbindung zu erledigen.

Ich war etwas erstaunt und erklärte ihm, ich würde mit den Lenisten noch einmal Rücksprache nehmen und ihm alsdann unsere Entscheidung mitteilen. Eine Beratung mit Lenin, Zinowjew, Genossin Karpinsky, Frau Lenin, Frau Zinowjew, Radek und Levi fand statt. Nach kurzen Erwägungen kam man zu der Auffassung, dass Grimm ganz unmotiviert mich als Mittelsmann ablehne, und vermutete Gründe dahinter, die erst recht Anlass gäben, mich mit der Mission zu betrauen. Auf meinen Vorschlag hin wurde beschlossen, dem Genossen Grimm durch mich bekanntzugeben, dass ich trotz seiner Weigerung die Vermittlung übernehme und morgen um 10 Uhr bei der Gesandtschaft vorspreche; wenn mit negativem Erfolg, so verzichten die Emigranten auf die Reise.

Bei der Aussprache mit Grimm fragte ich ihn, wer denn sein Mittelsmann sei; die Genossen hätten den Wunsch geäußert, ihn kennen zu lernen. Grimm sagte, dass es ein bekannter Notar und Genosse in Bern sei. Ich erklärte ihm darauf, dass wir auf diesen Mittelsmann verzichten und ich den Auftrag habe, ihm zu eröffnen, dass ich im Einvernehmen mit den reisenden Genossen morgen um 10 Uhr bei der deutschen Gesandtschaft vorspreche, um die Erledigung der administrativen Angelegenheiten, die mit der Reise verknüpft sind, anzustreben. Grimm nahm das zur Kenntnis und sträubte sich nicht weiter.

Am folgenden Tag wurde ich um 10 Uhr vom Gesandten empfangen. Ich führte mich mit meinem Namen ein und erklärte, ich käme, um mit ihm die technischen Einzelheiten der Reise der russischen Emigranten zu besprechen. Die Namen Hoffmann und Grimm erwähnte ich bei keiner der drei Besprechungen mit Herrn Romberg, während dieser seinerseits beide wiederholt erwähnte. Herr Romberg sprach zu mir über die Bemühungen Deutschlands, den Frieden im August 1914 zu erhalten, und wie sehr sie für einen Frieden eingenommen seien, und erörterte lang und breit die Schuldfrage. Ich nahm dabei eine Stellung ein, als hätte ich mich mit diesen Problemen nie beschäftigt und als würden seine Worte auf mich überzeugend wirken.

Ich war ängstlich bemüht, jedem verbindlichen politischen Gespräch aus dem Wege zu gehen, und beschränkte mich auf harmlose Meinungsäusserungen.

Nach jedem Besuche beim Minister Romberg rapportierte ich meinen russischen Kameraden so ausführlich wie möglich. Wichtiges unterließ auf keinen Fall, da mir ohne weiteres möglich war, Notizen zu machen. Ich erklärte ihnen, dass ich mich des Eindrucks nicht entschlagen könne, dass Grimm dem deutschen Gesandten in etwas weitreichendem Masse Hoffnungen für einen Frieden gemacht habe; doch sind irgendwelche bestimmte Aeusserungen seitens des Herrn Romberg in dieser Angelegenheit mir gegenüber nie gefallen.

Bemerkenswert ist folgender Ausspruch des Herrn Romberg mir gegenüber: „Herr Platten, wenn Sie in Russland für den Frieden wirken können, so tun Sie es. Sollten Sie irgendwelche Verbindungen notwendig haben, so können Sie sich zu dem schweizerischen Gesandten in Petersburg, Herrn Odier, begeben.“ Ich war etwas unangenehm berührt, und da er auf eine Antwort wartete, erklärte ich ihm: „Herr Minister, ich bin absolut nicht in der Lage, irgendwelche Aeusserungen in dieser Beziehung zu tun. Es ist natürlich meine Pflicht, für den Frieden zu wirken, allein ich werde das stets nur tun, wenn mich bestimmte, für mich in Frage kommende Parteigruppen beauftragen; als Privatperson zu handeln, lehne ich ab.“

Nach Verlauf von 3 Tagen wurde mir eröffnet, dass wir Sonntag, den 8. April 3 Uhr 20 ab Zürich abzureisen hätten. Rittmeister von der Planitz würde uns ab Singen, Leutnant Schüler bis dorthin begleiten. In Singen würde uns ferner Herr Janson von der Generalkommission der deutschen Gewerkschaften begrüßen. Ich erklärte Herrn Romberg gegenüber, diese Eröffnung berühre mich unangenehm, denn gemäss unserer Bedingungen beschränke sich die Begleitung auf Vertreter der deutschen Regierung im Sinne der militärischen Aufsicht. Er erklärte mir dann, er nehme nicht an, dass daraus irgendwelche Komplikationen entstünden; es werde mir gewiss gelingen, Herrn Janson davon zu überzeugen, dass es zweckmässig sei, von einer Besprechung mit den russischen Emigranten Abstand zu nehmen.

Damit waren die Verhandlungen beendet und die Reise wurde angetreten.

Schweizerisches Sozialarchiv

14. FINAL REPORT OF THE INVESTIGATING
COMMISSION, OCTOBER 27, 1917

Следственная Коммиссия, выбранная на заседании Ц. Эв. Ком. от 17-го сентября с.г. в составе пяти членов: д-ра Ю. Райхесберга, И. Плотника, Коссовского, Левина, Земеля и двух кандидатов Дзержинской и Л. Крицмана для расследования организации поездок через Германию в виду поднятых на заседании пленума Ц. Эв. Ком. от 17-го сент. с.г. обвинений, опросила с одной стороны ряд швейцарских и русских товарищей, имевших отношение к организации этих поездок, с другой стороны лиц, могущих содействовать всестороннему выяснению вопросов, ставших перед следственной комиссией в связи с выдвинутыми обвинениями, и рассмотрела ряд документов, относящихся к данному делу.

По кардинальному вопросу: „Существовало ли помимо соглашения о проезде русских эмигрантов через Германию, заключенного швейцарскими товарищами с германским посольством, – соглашение, переговоры или попытки таковых по этому же делу между отдельными элементами эмиграции с одной стороны и германскими агентами с другой стороны” – на основании всего следственного материала следственная комиссия выяснила следующее:

1) относительно соглашения о проезде русских эмигрантов через Германию, заключенного швейцарскими товарищами, комиссия установила:

На частном совещании русских товарищей по вопросу о возвращении русских эмигрантов в Россию, состоявшемся 19-го марта 1917 г. во время совещания Интернациональной Социалистической Коммиссии, был выдвинут проект обмена русских эмигрантов в Швейцарии на интернированных в России австро-германских гражданских пленных. Участниками совещания было предложено тогда же одному из швейцарских товарищей выяснить возможность осуществления этого проекта. 28-го марта этот швейцарский товарищ осведомил товарищей Багоцкого и Зиновьева, что ему удалось выяснить, что германское правительство принципиально согласно на упомянутый проект. В тот же день, т.е. 28-го марта, тов. Багоцкий телефонировал в Цюрих представителю Ц.Эв.Ком. об этом. 29-го марта вечером в локале „Eintracht” в Цюрихе состоялось совещание представителей партийных центров по вопросу о поездке. 30-го марта товарищи Семковский и Балабанова, представители Ц. Эв. Ком., поехали в Берн сообщить швейцарскому товарищу о решении представителей партийных центров, кроме ленинцев, согласно которому предварительно предпринимаются все шаги, чтобы добиться согласия Врем. Правительства на обмен русских эмигрантов на интернированных в России австро-германских гражд-

данских пленных, и лишь по выяснении невозможности добиться такого согласия снова поставить вопрос о поездке. Ленинцы же с этим решением не согласились и решили немедленно использовать представившуюся возможность проезда через Германию. Они обратились 3-го или 4-го апреля к тов. Платтену с предложением взять на себя переговоры с немецким посольством по технической организации поездки. Условия проезда через Германию, пред'явленные тов-ем Платтенем германскому посольству и принятые последним, опубликованы в „Volksrecht”. Согласие германского посольства на пред'явленные тов. Платтенем условия было телеграфно получено последним 7-го апреля. 9-го апреля партия русских эмигрантов, сопровождаемая Платтенем, выехала.

Когда для Ц. Эв. Ком. выяснилась невозможность массового и беспрепятственного проезда эмигрантов через Францию и Англию, он решил организовать поездку через Германию. С этой целью он обратился к швейцарскому товарищу Фогелю с предложением взять на себя организацию поездки через Германию в той части ее, которая касалась переговоров с немецким посольством и швейцарскими властями относительно условий поездки и технических деталей ее, равно как сопровождать поезд. В виду наличности принципиального согласия германского правительства на проезд через Германию на почве обмена (от 28-го марта) тов. Фогелю пришлось при своих переговорах с немецким посольством лишь выяснить технические условия и срок поездки, равно как приблизительный срок следующей поездки. Условия поездки, опубликованные в бюллетене Ц. Эв. Ком., по существу те же, что и условия, пред'явленные тов. Платтенем при проезде партии, которую он сопровождал. Поездка первой партии Ц. Эв. Ком. состоялась 13-го мая 1917 г. В июне Ц. Эв. Ком. организовал вторую поездку при содействии швейцарского товарища Ланга. Эта поездка состоялась 20-го июня. [Оглашаются в подлиннике наиболее существенные показания ряда свидетелей].

2) По вопросу о том, „имели ли место соглашения, переговоры или попытки таковых между отдельными элементами эмиграции с одной стороны и германскими агентами с другой стороны”, Следственная Коммиссия пришла к следующему заключению:

а) Эмигрант X¹ вел переговоры с германским агентом Бернштейном о проезде русских эмигрантов через Германию (на основании добытого следствием материала свидания X-а с Бернштейном имели место 27-го марта утром и вечером и 28-го марта утром; телеграмма Бернштейна была передана X-у 2-го апреля).

¹ The commission chose not to refer to Bronski by name because it had not had the chance to question him directly.

б) О переговорах этих X сообщил одному товарищу в первых числах апреля; но комиссии осталось неизвестным, действовал ли X с ведома и согласия какой-либо партийной организации.

в) В деле нет никаких данных, которые указывали бы на связь между переговорами X-а с Бернштейном и переговорами швейцарских товарищей с германским посольством в Берне по вопросу о пропуске русских эмигрантов на основе обмена на интернированных в России австро-германских гражданских пленных, происходившими около того-же времени (из дела видно, что принципиальное согласие Германии, на основании которого имели место как поездка, организованная при содействии тов. Платтена, так и поездка, организованная впоследствии Ц. Эв. Ком., было передано швейцарскими товарищами русским 28-го марта к полудню).

г) В деле нет также никаких данных, которые указывали бы, что переговоры Бернштейна с X-ом привели к каким-нибудь практическим результатам.

д) По вопросу о сношениях X-а с Бернштейном для комиссии многое осталось невыясненным, и дело это безусловно нуждается в дальнейшем расследовании во всех отношениях.

3) Эмигрант X стал впоследствии членом Исполнительной Комиссии, но это имело место значительно позднее вышеупомянутых переговоров X-а с Бернштейном.

4) Нет ни малейшего основания полагать, что существовала какая-либо связь между переговорами X-а с Бернштейном и поездками русских эмигрантов через Германию, организованными Ц. Эв. Ком-ом.

Следственная Комиссия предлагает Ц. Эв. Ком-у передать весь материал относительно X-а для дальнейшего доследования партийным центрам X-а в России.

Следуют подписи всех семи участников следственной комиссии.

Protokoll, pp. 84-88